

А.В. Никандров

**СССР как цивилизация: взгляд
со стороны западных интеллектуалов
(С. и Б. Вебб, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер)**

Aleksey V. Nikandrov

**USSR as a Civilization through the Eyes
of Western Intellectuals (Sidney & Beatrice Webb,
Romain Rolland, Lion Feuchtwanger)**

Статья посвящена историческому анализу развития дискурса цивилизации в применении к СССР («советской цивилизации»), который был развернут западными интеллектуалами, посещавшими СССР в 1930-е гг. Контекстом создания анализируемых произведений являются реалии «сталинского поворота», смысл и содержание которого кратко раскрываются автором. В «Московском дневнике» Р. Роллана образ И.В. Сталина сопоставляется с фигурой императора Августа. Л. Фейхтвангер в книге «Москва 1937» рассказывает о впечатлениях, которые произвела на него становящаяся советская цивилизация. С. и Б. Вебб в своем капитальном труде «Советский коммунизм – новая цивилизация?» дают развернутый анализ советского общества и государства 1930-х гг. и обосновывают вывод о том, что представление СССР как новой цивилизации по существу имеет основания.

Ключевые слова: СССР, цивилизация, социализм, коммунизм, И.В. Сталин, Р. Роллан, Л. Фейхтвангер, С. и Б. Вебб.

The article is devoted to the problem of analyzing the development of the discourse of Soviet civilization. This discourse was carried out in various works of Western intellectuals who visited the USSR in the 1930s. The author presents his own vision of the context of creation of the analyzed works. It was formed by the events, which in their totality are usually called the “Stalin’s turn of the 1930s”, and reveals the meaning and content of this “turn”. In Romain Rolland’s “Moscow Diary” the image of Joseph Stalin is compared with the figure of Emperor of Rome Gaius Julius Caesar Augustus. Lion Feuchtwanger in his book “Moscow 1937” talks about the impressions that the young Soviet civilization he saw in the USSR made on him. Sidney and Beatrice Webb in their fundamental treatise “Soviet Communism: A New Civilization?” provide a panoramic analysis of Soviet society and state in the 1930s. Using a large material of facts, they substantiate the conclusion that the USSR really represents a new civilization.

Keywords: USSR, civilization, socialism, communism, Joseph Stalin, Romain Rolland, Lion Feuchtwanger, Sidney & Beatrice Webb.

Введение

«Цивилизационный дискурс» в советской политической риторике, – а он имел выраженное развитие во второй половине 1930-х и во второй половине 1940-х гг. (см.: [1; 18]), – изначально не был задан какой-либо советской инстанцией, даже высокой (т.е. И.В. Сталиным): его начало является исключительной заслугой ряда западных интеллектуалов, проявивших интерес к Советскому Союзу и посещавших нашу страну во времена своего «советского паломничества» в 1930-е гг. Открыли риторiku СССР как цивилизации Ромен Роллан и Лион Фейхтвангер, а концептуально-политическое оформление эта постановка получила в фундаментальном труде – научном трактате Сиднея и Беатрис Вебб «Советский коммунизм – новая цивилизация?», изданном в СССР в 1937 г. В этой монументальной работе получили развитие идеи социалистической демократии, единства народа и государства в СССР, всенародной политической организации и нового человека.

История интеллектуального паломничества в СССР и встреч западных людей культуры с вождем Советского государства – одна из интереснейших и волнующих страниц истории, давно уже приковывающая внимание исследователей и давшая вдохновение для написания немало количества научных трудов. Наибольшее количество значимых встреч совпало по времени с цепью событий и мероприятий в политике и культуре СССР, обычно называемой «сталинским поворотом», который начал проводиться под присмотром Сталина приблизительно с 1931–1932 гг. Поскольку вне этого контекста трудно понять не только смысл оценок СССР и Сталина со стороны западных интеллектуалов, но и цели сталинского содействия (если не организации) «интеллектуального паломничества» в СССР, то необходимо вкратце обрисовать, какие именно изменения происходили в Советской стране в это время.

Контекст эпохи: сталинский «консервативный поворот»

Сталинский «консервативный поворот», как его нередко именуют, – это поворот от интернационализма к советскому этатизму и связанному с ним патриотизму, к народоцентризму и государствоцентризму. Эту цепь событий, инспирированных лично Сталиным, часто называли «сталинской революцией сверху». Идеи мировой пролетарской революции и единства пролетариата всего мира отходили на задний план. Идеи же патриотизма, любви к Советскому Отечеству, наоборот, воспевались и превозносились. Принципы «революционной законности» отбрасывались, традиционное же понимание права

возвращалось (в юридическом плане ученые часто говорят о возвращении к традиционному правопорядку). Государство, его потребности и перспективы, его сила и стабильность, – вот что ставилось теперь в центр новой сталинской политики.

Научное освещение всей этой совокупности изменений впервые дано в большом панорамном труде известного отечественного ученого, классика социологии русского зарубежья Николая Тимашева «Великое отступление» (1946) [27], где он прослеживает в различных сферах жизни СССР конкретные проявления перехода «от дискурса интернационализма, мировой революции и классовой борьбы к трансляции национально-патриотических идей о единстве советского народа перед внутренними и внешними врагами и завершении “в целом” строительства социализма в СССР» [26, с. 179]. По словам М.Ю. Шматова, «особое внимание Н.С. Тимашев уделяет смене идеологических ориентиров: он пишет о переходе от интернационализма и от идеи принесения России в жертву “мировой революции” к национально-патриотическим установкам, о частичной реабилитации дореволюционных традиций и имен выдающихся исторических деятелей старой России» [26, с. 174]. Этот поворот Тимашев называет «отступлением» Сталина от коммунизма, и его началом полагает 1934 г.

Наиболее точное определение сути этих событий, как представляется, принадлежит автору воспоминаний И.Д. Шабалину. Этот простой советский человек, впитавший в себя эпоху социализма и свидетельствующий о своем времени в книге с простым названием «Свидетель социализма», описывая свое удивление различными нововведениями (или, лучше сказать, «возвращениями») в области общественных практик и культуры (новогодняя елка, воскресный день, новые-старые воинские звания и пр.), резюмирует: «Источником этих удивлений послужил поворот политики ожидания Мирового Октября и его подготовки к политике Абсолютного Государства и его укрепления (т.е. победы социализма в одной отдельно взятой стране). Этот период начался с тридцатых годов. Что дело обстояло именно так, я стал понимать гораздо позднее, а тогда мое сознание, впитав сначала “Октябрь” естественным диссонансом удивления, отметило признаки замены его “Государством”. Конечно, эта замена сначала никак не провозглашалась, ведь государство должно при коммунизме отмирать. Менялись акценты: все реже встречалось слово *свобода*, а вместе с ней и *равенство*. Празднование дня Парижской Коммуны становилось как-то все более тусклым. Слово *братство* куда-то исчезло и возвратилось уже во время войны как братство по оружию. Все реже упоминалось, что “Рабочие не имеют отечества”, потихоньку начали обретать гражданство слова *родина* и *патриот*» [25, с. 45].

Суммируем вместе с Н.В. Работяжевым: «Уже выдвинутая Сталиным в 1924 г. концепция “построения социализма в одной отдельно взятой стране”

означала очевидный шаг в этом направлении. В последующие годы Сталин, провозгласив исключительную, почти мессианскую роль Советского Союза в борьбе против всемирного капитализма (“СССР – отечество мирового пролетариата”), осуществил своеобразное слияние коммунизма с имперским национализмом. А после 1934 г. в советской идеологии произошли значительные сдвиги в сторону частичной реабилитации российского прошлого, признания патриотизма и других традиционных ценностей. Американский политолог Р. Даниелс охарактеризовал эти идеологические изменения как “сталинскую культурную контрреволюцию”, в ходе которой “под маской марксизма усиленно проводились традиционалистские идеи” [20, с. 119]. Итак, слияние имперского национализма с коммунизмом. Но эти установки, эти суммы идей – принципиально разные, и друг с другом они находятся в отношениях антагонизма, – как же тогда произвести «дружественное», «творческое» слияние этих принципов?

Пытаясь осуществить «слияние имперского национализма с коммунизмом», руководство страны и прежде всего Сталин прекрасно понимали, что «чрезмерный возврат» к «державности» и слишком сильное отступление от принципов интернационализма (т.е. космополитизма, пусть даже и пролетарского), чреват отходом от *универсализма*, потерей «мессианской энергии», историософского смысла нового государства: курс усиленной «державности» и поощрения национализма прямо вел к возрождению принципов и образа Российской империи, – а такая резтатизация («реимпериализация») едва ли была приемлема в сфере идеологии социалистического государства как государства нового типа.

Нужен был баланс советского этатизма и советского мессианизма без потери исторической преемственности. Универсалистские концепты и принципы поэтому были востребованы не в меньшей, а то и в большей степени, чем державно-традиционалистские. Советский град на холме сложно было рисовать в традиционном стиле *à la russe*. Отсюда – поиск новых концептов и идей; отсюда – и попытки ресинтеза «старых» идей в сфере универсального, метаисторического. Одним из таких концептов был концепт «цивилизация», который тянул за собой длинную вереницу смыслов и антиномий. Хоть и в «одной, отдельно взятой стране», но строился-то социализм, т.е. реализовывалась одна из важнейших историософских или метаисторических идей западной политической мысли. Отсюда ясно, что весь советский «державный патриотизм» и «новый традиционализм», исходя из сути марксизма и *генеральных* потребностей советской идеологии, должен был иметь *подчиненный* характер; смыслом же и целью нового государства являлся образ коммунистического общества, построенного на новых началах социальной справедливости и прогресса.

К этому стоит прибавить, что современники, вспоминая о тех годах, во все не теряли из вида этой идеи: тот же Шабалин по итогу своего ностальгического экскурса в сталинскую эпоху замечает, что, при всей скрупулезно подмеченной им стилизации единственно правильного учения «под русский ампир», тем не менее «марксизм и имперское мышление не противоречили друг другу» [25, с. 149].

Цель – коммунизм – не заслонялась «новой державностью»; а оптимизм, связанный с ее достижением (в чем у людей тридцатых сомнений не было), только возрастал: «Люди тридцатых годов строили будущее, имея перед собой надежные проекты и надежные решения» [15, с. 13], – вспоминает советский поэт и литературовед Д.М. Молдавский. Близость будущего вызывала мощнейший интеллектуальный подъем: «Утопия была за углом, за поворотом, в двух шагах! И мы знали, что уже живем в стране высокого разума, высокой духовности, стране открытий и великих произведений искусства» [15, с. 16]. Разум в основе проекта и строительство в согласии с философской системой – это ведь и есть цивилизация в ее идее: «Люди тридцатых годов подчинили себе философские категории...» [15, с. 15]. В контексте этих тенденций и настроений следует рассматривать визиты западных интеллектуалов в Советский Союз, ведь чувства оптимизма и радости, связанные с «ожиданием великого будущего», были свойственны людям культуры Запада не в меньшей степени, чем советскому народу.

К началу 1930-х гг. для большинства левых интеллектуалов Запада поддержка СССР стала принципиальной позицией. Их духовный мир в те годы, по словам Л.А. Закса, можно было уподобить «сознанию романтиков, важнейшей чертой которого было *двоемирие*. Для левых художников кроме “первой”, несовершенной и критикуемой ими реальности их собственного социального мира, существовала “вторая” реальность – реальность их социально-духовного идеала, их заветной мечты о справедливости, социальном равенстве и братстве... Этой воплощавшей их мечту реальностью и был СССР, тем более что на первых порах своего существования он действительно “источал” всемирно-историческое воодушевление и коллективный энтузиазм» [6, с. 25]. Вся негативная информация об СССР, если она и доходила до них, «отторгалась иллюзорно-утопическим художественно-романтическим сознанием *буквально верующих, т.е. уверовавших в коммунистическую идею и идеализированный образ СССР, людей*» [Там же]. Вполне логично и законно, что Советский Союз стал в глазах интеллектуалов Запада настоящей новой цивилизацией, флагманом мировой истории.

«Август нового мира»: Сталин глазами Ромена Роллана

Антонио Грамши около 1920 г. писал, что Ромен Роллан «развертывает ценную деятельность, потому что изменяет духовный облик, вызывает симпатии к революции у полупролетарских слоев и групп, которые лишь косвенно и в отраженной форме ощущают столкновения борьбы классов. В этом смысле Роллан работает на коммунизм... и мы ощущаем благодарность и восхищение перед ним: он – Максим Горький латинской Европы» [5, с. 282]. Встреча французского интеллектуала со Сталиным состоялась 28 июня 1935 г. в Кремле. Текст беседы опубликован не был, а записи Р. Роллана дневникового характера, где он излагает ход пребывания в СССР и свои впечатления о Сталине и о других советских деятелях, были опубликованы спустя лишь 50 лет.

Первое, что бросается в глаза при прочтении дневников Роллана, – весьма выраженные «римские ассоциации» французского писателя, конгениальные одной плохо замечаемой в наши дни интуиции сталинской и советской мысли в целом; или, скорее, чувству, может быть, не вполне осознанному, но отчетливо проявленному. Это чувство ощутимой мистической близости Советской страны к «республиканско-монархическому» Риму, наиболее развернутое выражение получившей в проекте и во всем дискурсе Дворца Советов, этого аналога Мавзолея Августа и символа Советской империи, так, увы, и не построенного. (Подробнее об этом: [18, с. 147–150]). Аналогия Сталина и Августа, может быть, и чувствовалась советскими идеологами и самим вождем, но впервые была выражена и раскрыта именно Роменом Ролланом. Правда, не забудем, что его дневники в сталинские годы света еще не видели, однако эта ассоциация или мистическая связь была практически официально провозглашена другим интеллектуалом – Лионом Фейхтвангером, о котором речь впереди. (Конечно, сложно было ожидать от советских идеологов сравнения Сталина с Августом, однако неявно и они склонялись к такой аналогии. Во всяком случае, явным намеком на одобрение подобной аналогии можно считать поддержку и высокую оценку книги Н.А. Машкина «Принципат Августа» (1949), удостоенной Сталинской премии. Г.В. Евчишин утверждает, что «генеральный социально-политический заказ в труде Н.А. Машкина виден невооруженным глазом» [8, с. 107], – и возможности возразить против этого утверждения нет. Из современных работ, в которых раскрываются сходства или проводятся аналогии Сталина и Августа, см.: [10; 19]).

Маркс писал о пролетариате как демиурге истории; Сталин говорил, что марксизм – это религия класса, символ веры для народа [22, с. 636]. Ромен Роллан подмечает роль веры, «марксистского евангелия» в мировоззрении большевиков во главе со Сталиным. Этот мотив веры, это «пламя веры», «пламя идеализма», – веры в свою миссию строителей нового общества, –

звучит у него довольно отчетливо: «Сталин и его великие друзья-большевики проникнуты оптимизмом – разумеется, без иллюзий, но и без страха: ведь они работают ради более прекрасного, лучшего, лучезарного будущего всего человечества, и их марксистское евангелие вселяет в них уверенность в неизбежность этого будущего, доказывая непреложность законов развития человечества, согласно которым они действуют и выражением которых являются сами. Редкостный парадокс – неумолимость материалистического динамизма, на котором зиждется – или, вернее, движется – их универсум, неотвратимо приводит к социальному идеалу справедливости и пангуманизму – самому идеалистическому из всех мечтаний человечества. Они называют себя реалистами, так как намереваются осуществить эту мечту. Причем любыми средствами. Но они не смогли бы сделать этого, если бы в них не горело спрятанное под доспехами пламя идеализма, иногда утопического и сентиментального в духе Жан-Жака Руссо, которое я с удивлением обнаружил у многих из них...» [17, с. 168].

Ромен Роллан прямо не говорит о советской или социалистической цивилизации, но ведь государство или иная полития (например, империя) с мессианской идеей (а без генеральной мессианской идеи империи нет); полития, пронизанная философией и мистическим профетизмом (в нашем случае это идея коммунизма), – по определению является цивилизацией. У Роллана такие мотивы выражены предельно четко, однако эту идейную наполненность, своеобразный большевистский идеализм подмечали очень многие из тех, кто не только исследовал, но и вообще рассуждал о Стране Советов 1930-х гг. Однако куда как более важны и интересны «римские аналогии» Романа Роллана, его сближение вождя Страны Советов с Цезарем и Августом. Совершенно ясно, что в этом контексте СССР предстает не просто цивилизацией, но цивилизацией в высшем и безусловном смысле, ибо Рим для Европы и, соответственно, для европейских интеллектуалов, является символом цивилизации в пафосном звучании, цивилизации в высшем смысле этого слова. Что и как говорит Роллан? Отчетливо выраженные римские ассоциации впервые появляются в тексте его дневника, когда он вспоминает о параде физкультурников, на котором присутствовал: несущие портреты Сталина люди внушили интеллектуалу «впечатление, что маршируют легионеры, несущие изображение Цезаря» [16, с. 228], а Сталин, как казалось ему, «подобно римскому императору, в течение шести часов наслаждался своим апофеозом» [16, с. 229]. – И далее: «Сталин как бы смущенный, стесняющийся, прячущийся, но в то же время демонстрирующий себя. Какое удовольствие получил бы Шекспир, изображая двух этих Цезарей, двух Сталиных, слитых в одном человеке! Я забыл о другом невидимом Цезаре – тени Ленина... Его тело покоилось под нашими ногами» [Там же].

В итоговых рассуждениях, после пассажей о пламени веры, горевшей в душе большевиков, Ромен Роллан, вспоминая парад на Красной площади, утверждает, что Сталин «открывает новую эру, в известном смысле классическую, в истории своего народа и всего мира, и несомненная плодотворность эпохи заслужит ему в будущем, вполне вероятно, славу Августа нового мира, человека, символизирующего победу нового порядка» [17, с. 179]. Слово «*порядок*» здесь принципиально важно, ведь результатом правления Августа как раз и стал порядок, спокойствие, мир – *Pax Romana*: «Все вместе: безопасность, порядок, процветание – означало *pax Romana*, или, по имени архитектора, строителя и хранителя порядка – *pax Augusta*, сам он рассматривался как *pacator orbis terrarum*» [14, с. 793]. В похожем смысле, что имя Августа в представлениях современников и потомков связывалось именно с утверждением нового римского имперского порядка, Ромен Роллан с уверенностью принимает вывод о том, что утверждение в СССР «*сталинского порядка*» знаменует тот факт, что «наступил “императорский” возраст советского коммунизма» [17, с. 179].

Интересно, но вполне логично для европейского интеллектуала, что когда Ромен Роллан как бы порицает «культ личности» Сталина, то почему-то не вспоминает о Риме вовсе, – тогда как очевидно, что если уж сравнивать Сталина с Августом, то прямо критиковать и тем более порицать *систему* «официального поклонения», т.е. культ личности, без учета его государственной значимости и смысла, было не совсем логично. Культ Сталина в СССР был культом личности в римском понимании, и в этом Сталин, осознанно или нет (скорее осознанно), следовал римской традиции. Заметим вскользь, что Сталин в беседах достаточно понятным образом объяснял как Роллану, так и Фейхтвангеру, определенную необходимость собственного «государственного культа». Также и Август, по словам Я.Ю. Межеричко, не был исполнен излишнего самолюбования и принимал собственный культ, в частности, поклонение «гению Августа» (*genius Augusti*, также *nomen Augusti*), как политическую необходимость: «...Август был весьма умерен в своих притязаниях на божественность, в вопросах культа его интересовала скорее политическая лояльность» [14, с. 414].

И Август, и Сталин не понимали каждый своего собственного культа в качестве поклонения им лично как частным лицам, но принимали соответствующие почести как представителям, символам своих народов и государств, – и в этом плане собственные имена, изображения и т.п. не принадлежали им, но были собственностью соответствующих народов и государств. А.Б. Егоров пишет о культе Августа: «Это был разветвленный, организованный и поддерживаемый сверху культ, в котором Август был не человеком и не богом. Он был символом созданной Римом сверхдержавы, культа Рима, римского государства, римской системы ценностей.

...культ становился обязательным, превращаясь в показатель лояльности римскому государству, римской идее и римским ценностям» [9, с. 282]. Всего этого не принял во внимание Ромен Роллан, зато отчасти понял, но не до конца, Фейхтвангер; однако оба они здесь никаких римских аллюзий не обнаружили, что все же, повторим, несколько странно.

Итак, сближение Иосифа Виссарионовича с великим историческим деятелем, «чьим именем вплоть до смерти было “Император Цезарь Август, сын божественного (Юлия), Отец отечества” (*Imperator Caesar Augustus divi filius pater patriae*)» [14, с. 508], стало итогом «римских размышлений и воспоминаний» и Роллана, и Фейхтвангера. Однако и самому Сталину, который, конечно, вряд ли мог быть знаком с текстом Роллана, зато книгу Фейхтвангера читал (а возможно, и правил), это сравнение, подобающее и по существу, и по статусу, было, надо полагать, достаточно близко и понятно, ведь и сам он однажды «в книге С.Г. Лозинского “История древнего мира” (Пг., 1923), обратившись к разделу “Империя”... подчеркнул фразу: “Август Октавиан – первый гражданин, принцепс, верховный правитель”» [7, с. 51]. Вспоминается также и его известный пассаж о «великом Риме» из выступления на XVII съезде ВКП(б). Особенно отчетливо римские истоки и аллюзии культа личности проявлялись в советской архитектуре («сталинский ампи́р», «сталианс»).

Ленин – Цезарь, Сталин – Август: «Москва 1937» Л. Фейхтвангера

Беседа Сталина с Лионом Фейхтвангером состоялась 8 января 1937 г. Ее текст был опубликован значительно позже (см.: [12, с. 250–271]), однако книга немецкого писателя «Москва 1937» вышла в том же году. В самом начале он как бы провозглашает: «Цивилизация Советского Союза совсем молодая» [24, с. 7]. Советский Союз описывается в книге Фейхтвангера именно как цивилизация в ее потенции и динамике; под цивилизацией немецкий интеллектуал понимает общественную организацию, которая, «если она хочет развиваться и процветать, должна строиться на основах разума и здравых суждений» [24, с. 5]. СССР такой политической организацией является в высшей степени: Фейхтвангер принимает принцип *бесклассового общества*, существом которого, по его мнению, является «то, что каждый с момента своего рождения имеет одинаковую возможность получить образование и выбрать профессию, и, следовательно, у каждого есть уверенность в том, что он найдет себе применение в соответствии со своими способностями» [24, с. 34], и делает вывод, что «этот основной принцип – чего не оспаривают даже самые ярые противники Советского Союза – проведен в СССР в жизнь» [Там же].

Исходя из констатированного уровня демократизма СССР, немецкий писатель в абзаце под заголовком «Государство – это мы» делает вывод о политической организации страны, утверждая, что оптимизм советского человека основан на его уверенности в том, что «государство действительно существует для него, а не только он существует для государства» [24, с. 17]. Пусть Фейхтвангер и далек от терминологической четкости постановки вопроса, как это характерно для Вебб, делающих важное концептуальное замечание о том, что государство в СССР есть политическая организация всего народа [3, с. 444], тем не менее его выводы ясны и обоснованы. Он принимает сталинский принцип социалистической демократии, сформулированный и логически защищенный вождем в январской беседе с ним, и сам в абзаце с названием «Демократический диктатор» художественно развивает его, рассказывая читателю о своей беседе с неким таинственным советским филологом (не Сталина ли он имеет в виду – если это так, то определение «филолог» звучит провиденциально): «Чего вы, собственно, хотите? – спросил меня шутливо один советский филолог, когда мы говорили с ним на эту же тему. – Демократия – это господство народа, диктатура – господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас, разве тогда демократия и диктатура не одно и то же?» [24, с. 58]. Так художественными методами немецкий интеллигент ставит и решает беспокоившую западных интеллектуалов проблему диктатуры и Сталина как диктатора. Правление Августа некоторые исследователи называли абсолютизмом, основанным на демократической диктатуре (см.: [8, с. 87]).

Почти в конце своей книги Фейхтвангер говорит: «Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его “умножателем” во всех отношениях» [24, с. 84]. Сравнение с Августом выглядит в тексте как бы естественным, не нуждающимся в каком-то особом развитии, доказательствах. Вывод о том, что Сталин стал Августом для Советского Союза, интеллигент делает исходя из народности Сталина; к этому же он возводит и причины культа личности, обожествления Сталина, столь удивившего и взволновавшего его. Он пишет, что «хотя это обожествление Сталина может показаться прибывшему с Запада странным, а порой и отталкивающим, все же я нигде не находил признаков, указывающих на искусственность этого чувства. Оно выросло органически, вместе с успехами экономического строительства.

Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование и за создание армии, обеспечивающей это новое благополучие. Народ должен иметь кого-нибудь, кому он мог бы выражать благодарность за несомненное улучшение своих жизненных условий, и для этой цели он избирает не какое-то отвлеченное понятие, не абстрактный “коммунизм”, а конкретного

человека – Сталина. ...к тому же Сталин действительно является плотью от плоти народа» [24, с. 59]. В этих пассажах культ личности уже трактуется более логично и обоснованно, чем у Ромена Роллана, – тем более что сам Сталин разъяснял немецкому интеллектуалу причины возникновения и развития «культа личности».

Государство-цивилизация: СССР в трактате С. и Б. Вебб

Если тексты Ромена Роллана и Лиона Фейхтвангера – художественные произведения по существу и стилю, т.е. тексты импрессионистские, не просто не лишены эмоций, но эмоциональные *par excellence*, то супруги Сидней и Беатрис Вебб, английские ученые-социологи и общественно-политические деятели, написали о советской цивилизации фундаментальную научную работу, имеющую вид трактата и по существу таковым являющуюся. В ней нет практически ничего художественного, нет исторических аналогий, – только сугубый социоисторический и социокультурный анализ советского общества и государства в том их виде, который они приобрели к началу – середине 1930-х гг. Когда Вебб будут представлять СССР как «управление, осуществляемое всем взрослым населением», они не станут приводить напрашивающиеся античные полисные аналогии (впрочем, не проводил таких аналогий и Фейхтвангер в пассаже «Государство – это мы»). Вебб интересуют анатомия советского общества, его динамика и перспективы; они последовательно и скрупулезно описывают все советские институты с точки зрения их эффективности. Супруги Вебб выступают в своем трактате о советской цивилизации как ученые, проводящие анализ с соблюдением ряда методологических правил, установок и приемов, зачастую прибегая к подробному и детальному описанию институтов (например, они дают описание не только системы наркоматов в целом, но уделяют внимание каждому наркомату в отдельности; не только Советской федерации в общем виде, но и каждому ее субъекту). Тем не менее при всей сухости работа отнюдь не лишена пафоса и даже толики профетизма. Если кратко суммировать, каким предстает СССР в трактате Вебб, то законно употребить понятие «государство-цивилизация». Свое исследование авторы строят на огромном материале и на личных впечатлениях: вместе они побывали в Советском Союзе в 1932 г.; Сидней Вебб отдельно приезжал в 1934 г. Влюбившись в Советскую страну, «они видели в ней новую цивилизацию, воплощение социалистической мечты» [23, с. 211].

Труд «Советский коммунизм – новая цивилизация?» (впервые опубликован в 1935 г.) в творчестве Вебб имеет своего рода «предисловие», написанное 10 лет назад, – это небольшая, но важная работа «Закат капитализма» [2], имеющая, даже если судить просто по названию, явную концептуальную

связь с «Советским коммунизмом». «Закат» не представляет собой чего-то неожиданного: работа следует в логике критики западной цивилизации капитализма, получившей большое развитие в те годы, когда издавались книги о закате, упадке и даже конце Запада. Критика Вебб, и тут следует согласиться с автором вступительной статьи к советскому изданию 1925 г., предстает несколько поверхностной; содержательно работа и в самом деле представляет собой «утомительное многословие, с которым они излагают учение о непреодолимых противоречиях и неизбежном крушении капиталистической цивилизации» [2, с. 3]. Но при всем этом, во-первых, «Закат капитализма» важен не сам по себе, а в связи с «Советским коммунизмом», а во-вторых, при отсутствии общей постановки об обреченности капитализма, в нем есть и интересное углубление этой темы: в главе 6 («Капиталистический строй как причина войны») авторы проводят довольно-таки серьезное разоблачение капитализма с этой стороны и связывают «бесстыдство империалистического капитализма» с проблемой классового размежевания западных обществ и возникающих по этой причине классовых войн.

Первый том «Советского коммунизма» назван «Конституция» и посвящен описанию и анализу советского общества и государства, второй называется «Социальные тенденции в советском коммунизме», и в нем авторы делают упор на динамику развития СССР прежде всего в аспекте приближения к провозглашенным идеалам. В этом же томе проводится анализ организации труда и вообще жизни в СССР, на этой основе вскрываются существенные черты противоположности социалистической и капиталистической систем, а уже на основании результатов исследования делается окончательный вывод всего трактата о превосходстве советской коммунистической цивилизации над западной капиталистической.

Как уже было сказано, Советский Союз предстает в трактате Вебб как государство-цивилизация. Что это значит? Советское государство и общество, руководимые коммунистической партией, представляют собой единство сложной организации при разветвленной и весьма подвижной системе представительных институтов управления и права, развивающейся в направлении создания справедливого общественного порядка, основанного на началах разума. Разум в рамках описываемой Вебб «строящейся утопии» – понятие ключевое отнюдь не в обобщенном или метафорическом смысле: авторы проводят мысль о том, что компартия в СССР осуществляет «сложную систему водительства», суть которой – «постоянное интеллектуальное руководство, относящееся не только к народу в целом, но и к каждому человеку в отдельности» [3, с. 412]. Заметим, что термин «водительство» (т.е. руководство, управление), относящийся к партии и государству во главе с вождем, предложен переводчиком трактата К.Б. Радеком явно не просто как литературное изящество: понятие «водительство», как можно судить

из пристального изучения текста, призванно отражать *интеллектуализм* советской системы. К тому же само слово «водительство» хорошо оттеняет систему широкого участия народных масс в управлении, т.е. широко развернутую демократию.

С. и Б. Вебб называют сложившийся политический порядок в СССР (именно в этом значении они используют термин «конституция», и переводчик сохраняет это слово) «многообразной демократией, организованной на базисе демократического централизма при всеобщем участии в управлении» [3, с. 418], реализующей свои потенции в атмосфере многочисленных «добровольных организаций, которые этой конституцией постоянно создаются и развиваются как части ее самой» [3, с. 420]. Поэтому СССР «не состоит из противостоящих друг другу правительства и народа, как это было до сих пор во всех больших обществах. Он является высокообъединенной общественной организацией» [3, с. 444] и по существу «есть управление, осуществляемое всем взрослым населением, организованным в различного порядка коллективы, имеющие свои различные функции, все вместе производящие... почти все ценности в стране» [Там же].

Эта высокообъединенная общественная организация, по мысли Вебб, основывается на фундаменте разума, т.е. вырабатывает управляющую «философскую систему и новый кодекс поведения, основанные на представлении об отношении человека ко вселенной и об обязанностях человека к человеку» [Там же] и руководствуется ею. Этот вывод позволяет авторам применить несколько, по их признанию, рискованный термин – ««кредократия» нового рода», которая является «источником воодушевления для многоформенной демократии» [Там же]. Собственно, исходя именно из этого в конце первого тома, Вебб ставят вопрос: «Не наблюдает ли мир в СССР возникновение новой цивилизации?» [Там же]. Ответ будет дан в конце второго тома.

Вебб, как и Фейхтвангера, волнуют вопросы диктатуры и автократии в Советском Союзе. Если Фейхтвангер «выходит из положения», используя в основном литературные приемы, то Вебб решают проблему концептуально: та подвижная, многообразная система демократии, элементы и структуру которой они наблюдают, зарисовывают и анализируют, по определению не может сводиться к какому-либо виду диктатуры или автократии. Равным образом на вопрос, является ли диктатором партия, – ведь она «стоит вне рамок конституции» [3, с. 425], – исходя из всеобщего народного участия в структурах партии, они отвечают отрицательно: роль партии сводится в основном к выявлению, формулированию и проведению общей воли советского народа [3, с. 426]. На этом же основании нет никакой возможности ответить положительно на вопрос, является ли Сталин диктатором?, ведь в столь сложной и динамичной интеллектуальной системе руководства, справедливо утверждают Вебб, «нет места индивидуальной диктатуре» [3, с. 428].

На основании анализа динамики советского общества, проведенного во втором томе, Вебб как бы подтверждают законность применения здесь термина из советской марксистской мысли – «бесклассовое общество». Бесклассовое общество в определении Вебб, – это общество, основанное «на социальном равенстве и всеобщей экономической обеспеченности среди изобилия, доступного всем людям, независимо от расы и цвета кожи» [4, с. 561]. Вебб уверены в том, что «по завершению в 1937 г. второй пятилетки, или во всяком случае в недалеком будущем, руководители Советского Союза смогут заявить, что фаза, называемаяся “диктатурой пролетариата”, прошла, так как государство охватывает все население и бесклассовое общество фактически уже установлено» [4, с. 470]. Собственно, термин «бесклассовое общество» вполне лаконично и по существу верно выражает суть новой цивилизации, которая строится в Советской стране (значение термина «бесклассовое общество» было удачно схвачено и Фейхтвангером).

Эпилог второго тома называется «Новая цивилизация?»: Вебб в последний раз ставят свой сакраментальный вопрос и окончательно доказательно дают на него положительный ответ. Ответ развернутый, теоретически насыщенный: одновременно он является и приговором для капиталистической цивилизации. Вебб как бы возвращаются мысленно к своей работе «Закат капитализма» и проводят «сверку», к каким достижениям в плане ликвидации противоречий и язв капитализма пришел СССР. Достаточно прочитать названия нескольких параграфов и сравнить их с названиями глав в «Закате капитализма».

Названия параграфов в «Советском коммунизме»: «Уничтожение наживы», «Планирование производства как общественного потребления» (т.е. уничтожение конфликта интересов производителей и потребителей, уничтожение безработицы), «Социальное равенство и универсализм», «Новая система представительства». Названия глав в «Закате капитализма»: «Обнищание», «Неравенство доходов», «Неравенство в области личной свободы», «Банкротство капитализма», «Капиталистический строй как причина войны». Итоговый вывод в «Советском коммунизме» в формулировке названия параграфа: «Распадающийся капитализм». Отсюда вывод: авторы констатируют резкий контраст советского коммунизма с западной цивилизацией распадающегося капитализма [4, с. 581] и «систематическое разочарование в современной западной цивилизации» [4, с. 582]. Из этого следует уверенность авторов в том, что советский коммунизм распространится на другие страны. Этим заверением кончается монументальный труд С. и Б. Вебб – и, как пишет Ю.А. Скальная, «переиздавая “Советский коммунизм” в 1940-х гг., когда народ СССР будет героически бороться против гитлеровской Германии, Уэббы уберут знак вопроса после “новой цивилизации” в названии своего двухтомного труда и напишут еще одну книгу – “Правда о Советской России” (*The Truth about Soviet Russia*, 1942)» [21, с. 113].

И.М. Майский, выдающийся советский дипломат и публицист, который дружил с Вебб и который, собственно, и предложил Сталину (опосредованно, через Радека) идею издать их труд в СССР, в начале 1970-х гг. будет писать: «Жизнь показала, что Вебб оказались большими прозорливцами будущего. Тогда, 35 лет назад, они уверенно предсказывали неизбежность расширения территории “советской цивилизации”, хотя принципиально отказывались точно указывать сроки, размеры и формы такого процесса. В наши дни мы можем констатировать, что это их пророчество осуществилось. Разве нынешнее социалистическое содружество ряда стран не является по существу тем расширением “советской цивилизации”, о котором 35 лет назад говорили Вебб? И разве возможность превращения некоторых стран “третьего мира” в социалистические государства в ближайшие годы и десятилетия не является мыслимой перспективой дальнейшего расширения “советской цивилизации”?» [11, с. 110–111]. Увы, в конце века Советская цивилизация в лице СССР ушла в историю – впрочем, есть все основания надеяться, что не навсегда.

У труда Вебб, изданного в СССР, сложилась довольно-таки странная судьба. Двухтомник усилиями Майского и Радека, поддержавшего дипломата и друга Вебб и включившегося сначала в «пробивание» издания, а затем в работу над переводом (который был сделан в рекордные сроки, к 1936 г.), был издан не по грифу, а по факту «для служебного пользования» странным тиражом 3000 экз. (см.: [13, с. 323–327]). До советского читателя трактат, по сути дела, не дошел: он не получил ни рецензий, ни какого-либо информационного сопровождения. Могли, наверное, быть реакции со стороны самого Радека или Н.И. Бухарина с продолжением в виде дискуссии, но по известным причинам этого не произошло. Трактат обнаруживается в библиотеке Сталина с автографом авторов. Надо полагать, широкого читателя могли смутить параграфы из 6-й главы первого тома с названиями вроде: «Является ли партия диктатором?», «Является ли Сталин диктатором?», «Является ли СССР автократией?»... Хотя, к слову сказать, и книга Фейхтвангера полна даже более «неудобных» вопросов и пассажей (о «культе личности» прежде всего), – в чем же тогда дело? Возможно, труд не выпустили в широкое интеллектуальное обращение по причинам его сложности, излишней для нужд пропаганды.

Неужели получается, что книга была издана зря? Нет, это не так, и дело в следующем. Как можно с определенной уверенностью предположить, курс цивилизации получил развитие в СССР во второй половине 1930-х гг. и особенно в послевоенное время именно благодаря работе С. и Б. Вебб. Однако по стечению обстоятельств труд Вебб не стал предметом пристального анализа, – и так важная цель представленной статьи состоит в том, чтобы это упущение исправить. Исходя из всего вышесказанного, можно

с определенностью сказать, что трактат С. и Б. Вебб является не просто неким артефактом своего времени, интересным только с этой точки зрения, но представляет собой развернутое фундированное исследование советского общества времен 1930-х гг., в высшей степени достойное серьезного внимания общественно-политической науки.

Никандров Алексей Всеволодович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

119991, Россия, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4.

Aleksey V. Nikandrov – Ph.D. in Political Sciences, Senior Research Fellow, Lomonosov Moscow State University.

119991, 27/4 Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia.

bobbio71@mail.ru

Список литературы

1. Асоян Ю.А. Исчезнувшая цивилизация? Цивилизационные категории в советском идеологическом дискурсе 1920–1930-х годов // *Общественные науки и современность*. 2012. № 4. С. 112–119.
2. Вебб С. и Б. *Закат капитализма*. М.: ЦУ ВСНХ СССР, 1925. 154 с.
3. Вебб С. и Б. *Советский коммунизм – новая цивилизация?* Т. 1. Конституция. М.: Госсозэкгиз, 1937. 448 с.
4. Вебб С. и Б. *Советский коммунизм – новая цивилизация?* Т. 2. Социальные тенденции в советском коммунизме. М.: Госсозэкгиз, 1937. 591 с.
5. Грамши А. Из хроники «Ордине Нуово» // Грамши А. *Искусство и политика*. В 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 278–283.
6. Закс Л.А. Оппозиция «левое/правое», Советский Союз и искусство (зарубежное, советское, постсоветское) // *Политизация поля искусства: исторические версии, теоретические подходы, эстетическая специфика* / Сост. и науч. ред. Т.А. Круглова. Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2016. С. 23–44.
7. Зевелев А.Н. Истоки сталинизма. Лекция к курсу «Политическая история XX в.». М.: Высшая школа, 1990. 110 с.
8. Евчишин Г.В. Принципат Августа как политический режим в отечественной историографии. Влияние социально-политического заказа на результат исследования // *Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии*. 2019. № 11. С. 93–125.
9. Егоров А.Б. Культ личности и культ государства в религиозном почитании императоров I в. до н.э. // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. 2004. № 3. С. 277–284.
10. Лазарев С.А. Принципат Сталина // *Приоритетные направления устойчивого социально-экономического развития государств в условиях внешних рисков*. Международная научно-практическая конференция, г. Киров., 3 ноября 2022 г.: сборник материалов. Киров: Аверс, 2022. С. 118–126.
11. Майский И.М. *Люди. События. Факты*. М.: Наука, 1973. 216 с.
12. Максименков Л. *Очерки номенклатурной истории советской литературы*. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие). Ч. I // *Вопросы литературы*. 2004. № 2. С. 242–291.

13. Максименков Л. Очерки номенклатурной истории советской литературы. Западные пилигримы у сталинского престола (Фейхтвангер и другие). Ч. II // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 274–342.
14. Межеричкий Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 992 с.
15. Молдавский Д.М. В начале тридцатых. Л.: Советский писатель, 1984.
16. Московский дневник Ромена Роллана. Ч. 1 // Вопросы литературы. 1989. № 3. С. 190–246.
17. Московский дневник Ромена Роллана. Ч. 3 // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 151–192.
18. Никандров А.В. На пути к «биполярной системе цивилизаций»? // Философия политики и права. Ежегодник научных работ. Вып. 10. Мироустройство в XXI веке: порядок или хаос? / Под общ. ред. Е.Н. Моцелкова, науч. ред. А.В. Никандров. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2019. С. 87–120.
19. Никандров А.В. Несостоявшаяся *res publica restituta* 1948 г.: истоки изменения основного принципа государственного строя СССР в советском политическом дискурсе 30-х годов // Государство и право. 2019. № 2. С. 120–132.
20. Работяжев Н.В. Между традицией и утопией: левый консерватизм в России // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 114–130.
21. Скальная Ю.А. Конституция для «новой цивилизации»: проект советской Конституции 1936 г. в оценке Б. Шоу и супругов Уэбб // *Rossica*. Литературные связи и контакты. 2023. № 4. С. 99–114.
22. Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. Тверь: Северная корона, 2004. 678 с.
23. Туполева Л.Ф. Веббы и Россия // Россия и Европа. Дипломатия и культура. М.: Наука, 1995. С. 203–214.
24. Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М.: ГИХЛ, 1937. 119 с.
25. Шабалин И.Д. Свидетель социализма. Раздумья о своей эпохе. М.: Фонд имени И.Д. Сытина, 1998. 400 с.
26. Шматов М.Ю. «Великое отступление» или «Великий маневр»: концепция Н.С. Тимашева и идеологические трансформации в СССР 1930-х гг. // Идеи и идеалы. 2018. Т. 2. № 3. С. 169–184.
27. Timasheff N.S. The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia. N.Y., E.P. Dutton & Co, Inc., 1946. 486 p.

References

1. Asoian Iu.A. Ischeznuvshaia tsivilizatsiia? Tsivilizatsionnye kategorii v sovetskom ideologicheskom diskurse 1920–1930-kh godov // *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2012. № 4. S. 112–119.
2. Veбb S. i B. Zakat kapitalizma. M.: TsU VSNKh SSSR, 1925. 154 s.
3. Veбb S. i B. Sovetskii kommunizm – novaia tsivilizatsiia? T. 1. Konstitutsiia. M.: Gossotsekgiz, 1937. 448 s.
4. Veбb S. i B. Sovetskii kommunizm – novaia tsivilizatsiia? T. 2. Sotsialnye tendentsii v sovetskom kommunizme. M.: Gossotsekgiz, 1937. 591 s.
5. Gramshi A. Iz khroniki «Ordine Nuovo» // Gramshi A. Iskusstvo i politika. V 2 t. T. 2. M., 1991. S. 278–283.
6. Zaks L.A. Oppozitsiia «levoe/pravoie», Sovetskii Soiuz i iskusstvo (zarubezhnoe, sovetskoe, postsovetskoe) // Politizatsiia polia iskusstva: istoricheskie versii, teoreticheskie podkhody, esteticheskaia spetsifika / Sost. i nauch. red. T.A. Kruglova. Ekaterinburg: Gumanitarnyi un-t, 2016. S. 23–44.

7. Zevelev A.N. Istoki stalinizma. Lektsiia k kursu «Politicheskaiia istoriia XX veka». M.: Vysshaia shkola, 1990. 110 s.
8. Evchishin G.V. Printsipat Avgusta kak politicheskii rezhim v otechestvennoi istoriografii. Vliianie sotsialno-politicheskogo zakaza na rezultat issledovaniia // Novyi Germes. Vestnik antichnoi istorii, arkheologii i klassicheskoi filologii. 2019. № 11. S. 93–125.
9. Egorov A.B. Kult lichnosti i kult gosudarstva v religioznom pochitanii imperatorov I v. do n.e. // Mnemon. Issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira. 2004. № 3. S. 277–284.
10. Lazarev S.A. Printsipat Stalina // Prioritetnye napravleniia ustoichivogo sotsialno-ekonomicheskogo razvitiia gosudarstv v usloviakh vneshnikh riskov. Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaiia konferentsiia, g. Kirov. 3 noiabria 2022 g.: sbornik materialov. Kirov: Avers, 2022. S. 118–126.
11. Maiskii I.M. Liudi. Sobytiia. Fakty. M.: Nauka, 1973. 216 s.
12. Maksimenkov L. Ocherki nomenklaturnoi istorii sovetskoii literatury. Zapadnye piligrimy u stalinskogo prestola (Feikhtvanger i drugie). Ch. I // Voprosy literatury. 2004. № 2. S. 242–291.
13. Maksimenkov L. Ocherki nomenklaturnoi istorii sovetskoii literatury. Zapadnye piligrimy u stalinskogo prestola (Feikhtvanger i drugie). Ch. II // Voprosy literatury. 2004. № 3. S. 274–342.
14. Mezheritskii Ia.Iu. «Vosstanovlennaiia respublika» imperatora Avgusta. M.: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke, 2016. 992 s.
15. Moldavskii D.M. V nachale tridtsatykh. L.: Sovetskii pisatel, 1984.
16. Moskovskii dnevnik Romena Rollana. Ch. 1 // Voprosy literatury. 1989. № 3. S. 190–246.
17. Moskovskii dnevnik Romena Rollana. Ch. 3 // Voprosy literatury. 1989. № 5. S. 151–192.
18. Nikandrov A.V. Na puti k «bipoliarnoi sisteme tsivilizatsii»? // Filosofiiia politiki i prava. Ezhegodnik nauchnykh rabot. Vyp. 10. Miroustroistvo v XXI veke: poriadok ili khaos? / Pod obshch. red. E.N. Moshchelkova, nauch. red. A.V. Nikandrov. M.: Izdatel A.V. Vorobev, 2019. S. 87–120.
19. Nikandrov A.V. Nesostoiavshaiasia res publica restituta 1948 g.: istoki izmeneniia osnovnogo printsipa gosudarstvennogo stroia SSSR v sovetskom politicheskom diskurse 30- kh godov // Gosudarstvo i pravo. 2019. № 2. S. 120–132.
20. Rabotiazhev N.V. Mezhdou traditsiei i utopiei: levyi konservatizm v Rossii // Polis. Politicheskie issledovaniia. 2014. № 4. S. 114–130.
21. Skalnaia Iu.A. Konstitutsiia dlia «novoii tsivilizatsii»: proekt sovetskoii Konstitutsii 1936 g. v otsenke B. Shou i suprugov Uebb // Rossica. Literaturnye sviazi i kontakty. 2023. № 4. S. 99–114.
22. Stalin I.V. Cochineniia. T. 17. Tver: Severnaia korona, 2004. 678 s.
23. Tupoleva L.F. Vebby i Rossiia // Rossiia i Evropa. Diplomatiia i kultura. M.: Nauka, 1995. S. 203–214.
24. Feikhtvanger L. Moskva 1937. Otchet o poezdke dlia moikh druzei. M.: GIKhL, 1937. 119 s.
25. Shabalin I.D. Svidetel sotsializma. Razdumia o svoei epokhe. M.: Fond imeni I.D. Sytina, 1998. 400 s.
26. Shmatov M.Iu. «Velikoe otstuplenie» ili «Velikii manevr»: kontseptsiiia N.S. Timasheva i ideologicheskie transformatsii v SSSR 1930- kh gg. // Idei i idealy. 2018. T. 2. № 3. S. 169–184.
27. Timasheff N.S. The Great Retreat. The Growth and Decline of Communism in Russia. N.Y., E.P. Dutton & Co, Inc., 1946. 486 r.